

Валерий

Михайлов

БОЖИЙ ПАРУС

ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Ты плывёшь, плывёшь в тумане
По-над Нерлью, по-над лугом,
Изнутри собой светяся
Светом, что себя светлей.

Этот камень словно пламень,
Этот облик что молитва,
Ты как парус, Божий парус
В небесах и на земле.

* * *

Слова умолкают пред Словом...
Исполнена тишина
Байкалом синеголовым –
И золотом плещет волна.

Небесный ли крест мироздания,
Земное ль касанье венца, –
Здесь Божье провидишь призванье,
Здесь дышишь дыханьем Творца.

И самую чистую чашу,
Священную чашу твою
За Родину светлую нашу
Душою безмерною пью.

ДОМ

Во сне больном родной мне снился дом:
 Чужие люди поселились в нём,
 И я не в силах был в свой дом войти:
 Коль наших нет, то значит нет пути.

И в новых снах он всякий раз иным
 Мне чудился и таял словно дым,
 Немую тайну от меня храня
 И за собою в небеса маня.

И вот он весь истаял и затих,
 И пусто в сновидениях моих,
 Так пусто, что не снится ничего
 Даже на месте дома моего.

Я знаю: нет его уж на земле,
 Как нет родных... И я один во мгле
 Пустынных снов... И на рассвете дня
 Ничто, как раньше, не займёт меня.

И кажется порой – в самом во мне
 Лишь только тени, будто бы во сне,
 Смещаются и тают исходя,
 Родного здесь уже не находя...

ПО ТРАВЕ ЗАБВЕНИЯ

I

Босым ступаю по траве забвения,
 А в ней росой светлой васильки,
 Счастливые, как слёзы сотворения,
 Беспечные, как с неба мотыльки.

Трава всё безвозвратнее и гуще,
 Оглянешься – ни вдоха, ни следа...
 А васильки цветут всё пуще, пуще,
 Сливаясь с небесами навсегда.

II

Босым ступаю по траве забвения,
 Весны ль весенней, осени ль осеннее,
 Душе уже не мается, не кается,
 Пространство расступается, смыкается...

Трава забвенья золотая, синяя,
И небосвода призрачная скиния...
Чем дальше, тем оно вокруг нездешнее,
И времена стоят, как воды вешние.

* * *

Война против нас не кончалась,
Война эта будет всегда.
Одна ты, Россия, осталась,
Как в небе пред Богом звезда.
От края судьбы и до края
Лежит заповеданный путь.
Гореть же тебе не сгорая...
От ада до светлого рая
Недолго, немного, чуть-чуть...

* * *

От первых стихов ничего не осталось.
Тень музыки в небе ночном затерялась,
Слова в костерке угловатом сгорели
И миру сказать ничего не успели.

А сам я почти ни строки не запомнил,
Но сердце какою-то грустью исполнил,
Какой-то печалию непроходящей,
Как будто бы с неба мне в душу смотрящей.

* * *

Тут ничего, что было бы моим.
Быть может, лишь с окраин сизый дым
Костров по осени в глухих дворах...
Но дым есть уходящий в небо прах
Листвы опавшей яблонь, груш и вишен,
Что пропадает, горек и неслышен...

И ни одной тут больше, ей-же-ей,
Кого бы можно было звать – моей.
Но кто кому на свете принадлежит?..
Летят по ветру лепестки черешен,
Плывут, меняя облик, облака...
Так и душа – стезя её легка.

Воздушны дали, хоть и тяжек путь.
Тут никого и ничего. Забудь
Про всё. Одно лишь только забытьё –
Вот что по-настоящему твоё,
И безнадежность, терпкая как дым,
Которой ты пока ещё храним...

* * *

Кабы знал бы, зачем, почему
Ничего не понятно уму
Изо всей-то земной чепухи...
А всего непонятней стихи.

Кабы знал бы, зачем и куда
Улетает душа как звезда,
Своим светом напрасным пыля...
...А всего непонятней – Земля.

* * *

Бредёшь ли пьяный иль тверёзый
По склону лет,
Многоочитые берёзы
Глядят вослед.

Ещё светло, но дело к ночи.
Ты здесь лишь гость.
И видят праведные очи
Тебя насквозь.

Но им души твоей не надо,
Им всё равно,
Они в неё глядят куда-то,
Как бы в окно.

Стволы берёз – сплошные очи,
Листы – сердца...
Брести, брести, пусть дело к ночи,
Но до конца.

* * *

Да, собственно, кто ты такая!
Любить я тебя не любил.

По имени даже не знаю,
А если и знал – то забыл.

Безумная бабочка лета,
Летела ты мимо меня
Обманкою тени и света,
Бенгальскою искрой маня.

Что было, давно уже сплыло.
Вовеки теперь не понять
Того безнадежного пыла, –
С чего б мне тебя вспоминать?

Так! лезет в башку что попало,
Как будто бы цел белый свет,
Как будто бы ты не пропала,
Как будто бы времени нет.

* * *

Не много ли толку в снежинке
В глухой фиолетовой мгле,
Легчайшей как дух порошок,
Слетающей всё же к земле?

Летящей, летящей, летящей,
Как с неба неслышная весть,
Светящей, светящей, светящей
Как будто и присно, и днесь.

Знать, что-то ей там не хватает
Во сне ли её, наяву,
Коль здесь на губах моих тает,
Как знак подаёт – что живу.

* * *

Достукалось?..
– Пирябиванья! –
Как тётя Оля говорила...
Так вот оно, как на краю прощанья.
...Мерцанья, замиранья, созерцанья...
Немая, одинокая могила
Под небом, обнимающим её...
Бог дал пожить – да забрала земля своё.

Вздымает волны где-то океан,
Ворочаясь в бреду своей бессонницы,
Он солью пьян, мертвецки солью пьян,
То соль земли, то боль безвестных ран,
И словно солнце кровь к закату клонится...
Как серая стиральная доска
Он из одинокого окошка самолёта.
Жизнь, как ни поглядишь, тоска,
А жить, хоть нечем, всё ж ещё охота.
Случайные барашки-облака
Пасутся понизу...

Хоть ничего, но что-то.

БЕСЕДА ДВУХ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ ДУ ФУ И ЛИ БО

1

– Лепесток вишни слетает на землю,
Тает в воздухе его бело-розовый след.
Кто расслышит песню этого полёта?
Душа моя – лепесток вишни.

– Глоток вина согревает сердце.
Звонко квачет лягушка в пруду.
Лягушка в луну влюблена, что покачивается волною.
Душа моя – отблеск луны, рябь света на тёмной воде.

2

– Душа ль моя слышала песню?
Но я позабыл напев, ни слова не разобрал.
А песня как воздух во мне,
И только лишь ею дышу.

– Речная ли плеснёт вода
Иль ветер прошелестит в былинках засохшей травы,
Иль хриплая каркнет ворона –
Всё – песня, слова ни к чему.

3

– Радости так мимолётны, как бабочки по весне.
А печали несметны, что стаи ворон, –
Всё небо исчёркали острыми крыльями,
И чёрное карканье мечется ключьями рваного ветра...

– Костерок я разжёл из корявого сушняка,
Над огнём грею руки, чугунок свой кипячу закоптелый.

Скоро чаю себе заварю, один под звёздами...
Треснет ли сук узловатый, искрами пыхнув,
Тут же гаснут они... – так и думы мои...

4

– Когда молод я был, вечно пьян от любви бродил,
От любви вечно пьян летал,
Легче пуха лебяжьего,
 легче детского вздоха,
 легче перистых облаков...
А теперь я окаменел и угрюмой скалою застыл...
То не слёзы – а дождик льёт
 по гранитным моим щекам.

– Когда пьян я мертвецки – то делаюсь смертельно трезв,
И тогда открывается мне, что любовь – это яд,
Это чаша без дна, с тёмно-красной отравой – вином.
Не испить её никогда и не спастись от неё...
Ну, а если смертельно трезв – то мертвецкой тоскою пьян,
И безумною шарю рукой, у отчаянья на краю,
Это зелье, отраву и яд –
 эту скорбную чашу мою...

5

– Я душою совсем изнемог,
Как истлевший осенний листок.
Не желаю знать ни о чём
Под бессмысленным этим дождём.
Лишь забвеньё в кромешной мгле –
И на небе, и на земле.

– Зачерпну из чёрной воды
Отраженье ночной звезды.
Час настал: не вино мне впрок,
А холодного неба глоток.
И мерцает в душе звезда
Навсегда уже, навсегда...

